

*Киндлер Е.А., кандидат педагогических наук,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина*

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФИЛОСОФСКИХ ТЕКСТОВ Ф. НИЦШЕ

Аннотация: в статье проводится сопоставительный анализ фрагментов двух переводов из книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра», определяются факторы культурной и психологической детерминации переводов, их соответствие авторской интенции, а также затрагивается проблема восприятия данных переводных текстов современным читателем.

Ключевые слова: перевод, интерпретация, философема, символ

Учение Ф. Ницше о Сверхчеловеке остаётся одним из самых неопределённых и, как всё неопределённое, притягательных философских символов, инициирующих бесконечное блуждание в лабиринтах интерпретаций. Будучи представленным в разных переводах, оно способно вызвать различный комплекс ассоциаций и смыслов. В качестве объекта анализа нами были выбраны два ранних перевода книги «Так говорил Заратустра», сделанных Ю.М. Антоновским и Я.Э. Голосовкером. Мы остановились на анализе фрагментов из «Предисловия Заратустры», поскольку представленные в них темы и мотивы становятся сюжетобразующими, получают, словно в некоем полифоническом музыкальном произведении, развитие в тексте и в существенной мере определяют векторы его целостного прочтения. Главными аспектами нашего сопоставительного анализа выступают: факторы культурной и психологической детерминации перевода; соответствие перевода авторской интенции; проблема восприятия переводных текстов современным читателем.

Ю.М. Антоновским был сделан самый первый перевод этой книги, который и сегодня большинством исследователей считается одним из лучших. Первая публикация перевода в 1911 году стала вполне закономерным явлением для русской культуры. Уже с 1890 года активно ведутся дискуссии о философии Ницше, в ходе которых она получает крайне противоположные оценки, печатаются критические очерки (см. В. Преображенский, Н. Михайловский, Н. Грот, Вл. Соловьев и др), осуществляется её творческая интерпретация, издаются переводы зарубежных исследователей (М. Нордау, Лу Андреас-Саломе, Ф. Риль). Увлечённость творчеством немецкого философа, возникшая на рубеже XIX-XX веков, была обусловлена рядом факторов, которые не могли ни сыграть существенной роли в процессе работы над интерпретацией текста первыми русскими переводчиками. Это и социокультурный кризис рубежа веков, апокалипсические мотивы, мотивы одиночества, трагической обречённости, и религиозная сторона творчества мыслителя, связанная с проблемами поиска человеком трансцендентной основы собст-

венного бытия, проблемами самосовершенствования и самопреодоления. Как известно, Ницше, воспринятый на Западе преимущественно как враг христианства, в России парадоксальным образом был истолкован философами как обновитель религии. Вместе с тем, официальная позиция православной церкви была иной. Все переводы его произведений проходили религиозную цензуру, что естественно искажало их содержание. Из-за цензуры, к примеру, Ю.М. Антоновский оказался в суде, где был вынужден защищать свой труд.

Положение Голосовкера предстает ещё более сложным. Уже в 1922-1924 годах книги Ницше были запрещены и изъяты из библиотек. В 30-е годы идеи Ницше становятся предметом популяризации в гитлеровской Германии, обретая в СССР устойчивую ассоциацию с фашизмом. Полный перевод всех четырех книг «Так говорил Заратустра», осуществленный Голосовкером в 1934-1935 годах и предназначенный для издания «Academia», оказался не ко времени. Даже несмотря на поддержку А.В. Луначарского, перевод так и не был опубликован. Более того за сотрудничество с издательством, директором которого тогда был Л.Б. Каменев, Голосовкер получает срок в 1936 году, будучи обвинённым в пресловутом «троцкизме». Современные исследователи говорят о принципиальном отличии перевода Голосовкера от академической традиции, связанной по преимуществу с именем Антоновского. Самобытность Голосовкера состоит, прежде всего, в способности переводчика воссоздать мелодику произведения, подчас парадоксально совмещающую возвышенную и пародийно-ироническую тональность, сохранить ритмику текста, которая сближает его с особым рода поэтичностью религиозных писаний. Ницше называл свою книгу «Пятым Евангелием» не столько из-за желаний подчеркнуть стилистическое сходство или же утвердить некую новую догматику, сколько из осознания заключенного в ней колоссального заряда символики и мифологической образности, размывающих многовековую культурную традицию и порождающих иную систему мировосприятия в грядущем. Голосовкер исследовал явление мифа,

стремился осмыслить его актуальное и вневременное содержание. Особый интерес у него вызвала тема древнегреческого титанизма, в которой он видел источник и прообраз иных героических нарративов, разворачивающихся в истории, а также тема воображения, его значения в переустройстве и возвышении жизни. Работы исследователя отличает слитность строго научного подхода, мифологической иносказательности и художественной экспрессии, нередко оказываются и отсылки к Ницше, через влияние которого он воспринял античную культуру. Работа над переводом «Заратустры», которую Голосовкер осуществлял параллельно с переводами Ф. Гёльдерлина, одного из самых мистических немецких поэтов, безусловно, отразилась и на его собственных философско-мифологических воззрениях. В равной степени можно говорить о том, что такие воззрения определили и основной вектор интерпретации во время перевода. По справедливому замечанию исследователя Е. Озобкиной: «Войти в произведение Ницше можно только находя внутри себя возможность проживания создаваемого им мифа. И это, безусловно, удалось Голосовкеру... Он настоящий, состоявшийся читатель Ницше, дающий шанс другому тоже стать таким читателем» [2, с. 6].

Различия в интерпретации Ницше Антоновским и Голосовкером ощутимы едва ли не с первых строк. В переводах первого эпизода, представляющем процесс инициации пророка, переход от тьмы к свету, от молчания к слову, обращает на себя внимание различие в интерпретации ряда философем, связанных с символикой солнца и духовного просветления.

«Als Zarathustra dreißig Jahre alt war, verließ er seine Heimat und den See seiner Heimat und ging in das Gebirge. Hiergenoßer seines Geistes und seiner Einsamkeit und würdedessenzehnJahrenichtmüde» [5, с. 5] (Ницше). «Когда Заратустре исполнилось тридцать лет, покинул он свою родину и озеро своей родины и пошел в горы. Здесь наслаждался он своим духом и своим одиночеством и в течение десяти лет не утомлялся этим» [1, с. 410] (Антоновский).

«Когда Заратустре было тридцать лет от роду, покинул он родину и озеро своей родины и ушел в горы. Здесь вкушал он от духа своего и одиночества и подвизался десять лет неотступно» [2, с. 31] (Голосовкер). Перевод Антоновского, как мы видим, точно воспроизводит Ницше на семантическом уровне, в то время как у Голосовкера перевод представляется достаточно вольным, однако сохраняющим заложенный в тексте ритм. Голосовкер использует отсутствующий у Ницше глагол «подвизаться» – слово, которое сегодня представляется устаревшим и применяется преимущественно

в идиоматических выражениях («подвизаться на поприще», «подвизаться в науке»), либо встречается в религиозном контексте. Кроме того, в словарях зафиксирован его высокий и одновременно иронический смысл. Подобное совмещение пафоса и иронии было свойственно в целом произведениям Ницше, и, возможно, выбор данного средства переводчиком был обусловлен стремлением уже в самом начале показать основной тон книги. Использование выражение «подвизался неотступно» также подчеркивает деятельный аспект, мыслительную работу героя, что в большей мере соответствует лингвокультурологическому значению, вкладываемому в немецком языке в слово «Geist». «Дух» в современном немецком языке (иное дело у Ницше) в большей степени, чем в русском, соотносится со сферой рассудочной деятельности, образа мысли, интеллекта, даже остроумия, в то время как в русском он имеет некоторый мистический оттенок, содержит отсылку к трансцендентному. Даже если оставить в стороне религиозные трактовки, то в русской языковой культуре «дух» так или иначе соотносится не столько со сферой Ratio, сколько с душой, волей, внутренней эмоциональной силой и выдержкой. Ницшевское понимание духа имеет исток в романтической культуре, поэтике И.В. Гёте. Если в библейских переводах Лютером слово «Geist» ещё использовалось в религиозном контексте, то начиная с эпохи Просвещения происходит его рационализация, «Geist» все больше отождествляется с «Vernunft». Ницше как философ-иррационалист, отрицательно оценивающий вслед за романтиками проект Просвещения, прославление рассудочности и в тоже время не разделяющий метафизических трактовок «абсолютного духа» в объективном идеализме, понимает «Geist» как внутреннюю силу личности, как подлинное волевое и жизнетворящее начало. «Дух есть жизнь, которая сама зреет в жизнь» [1, с. 513].

В переводах привлекает внимание также различие между «вкушать от духа своего и одиночества» (Голосовкер) и «наслаждаться своим духом и одиночеством» (Антоновский). В первом случае рисуется некий итог плодотворного размышления; во втором случае показан процесс аскетического отдохновения, созерцательного опустошения от суетных воспоминаний и обстоятельств. Впрочем, одно состояние сопричастно другому, что находит выражение в дальнейших строках, когда Заратустра обращается к солнцу, возвещая о пресыщенности собственной мудростью – строках, которые в обоих переводах представлены схожим образом.

Появившийся в первом эпизоде загадочный «Zarathustra's Untergang» и фраза главного героя: «Ich muss, gleich dir, untergehen, wie die Menschen

es nennen, zu denen ich hinab will» [5, с. 5] – изначально передаются переводчиками схожим образом в соответствии со смысловым контекстом: метафорическое сопоставление мыслителя, подошедшего к предельной степени познания, с солнцем, достигшим наивысшей точки небесной сферы и потому клонящимся в закат. В дальнейшем же контекст упоминания слов «Untergang» и «untergehen» у Ницше меняется: от достаточно распространенной метафоры он переходит к символическому описанию, связанному с раскрытием содержания идеи Сверхчеловека – соответственно и в переводах появятся новые смысловые оттенки и расхождения. Так в четвертом фрагменте предисловия, в проповеди Заратустры, где человек сравнивается с натянутым над бездной канатом, развивается мотив радикального онтологического перехода: «Was gross ist am Menschen, das ist, dass er eine Brücke und kein Zweck ist: was geliebt werden kann am Menschen, das ist, dass er ein *Übergang* und ein *Untergang* ist» [5, с. 8].

Выражение «*Übergang* und *Untergang*» едва ли может быть передано полноценно. Как и в других местах, ставящих переводчиками двойственную задачу: сохранение ясного значения и, одновременно, языковой игры – Антоновский предпочитает первое: «переход и гибель», Голосовкер – второе: «переход и гибельный ход на нет». Далее «*Untergang*» несколько раз передается Голосовкером через странное для современного русского языка словосочетание «гибель-закат». Впрочем, странным оно кажется лишь теперь, а в начале XX века, в контексте футуристической поэтики являлось вполне привычным. Достаточно вспомнить В. Хлебникова и такие его словообразования, как, например, «ручей-судьба» и проч.

Выражение «*Übergang* und *Untergang*» стало во многом благодаря Ницше устойчивым в философском и публицистическом языке, обрело особый концептуальный смысл, связанный с масштабными кризисными явлениями, хотя его можно встретить в немецких текстах, возникших задолго до «Заратустры». В частности в переведенном афоризме Киприана Карфагенского (Cyprian von Karthago), известного латинского богослова третьего столетия: «Der Tod ist kein Untergang, sondern ein Übergang: vom Erdenwanderweg hinein in die Ewigkeit» («Смерть не есть исчезновение, но есть переход от странствия земного к вечности»). Данное устойчивое словосочетание в силу своей многозначности может иметь и различные варианты перевода, определяемые контекстом. «*Übergang*» может иметь как буквальное значение: пешеходный переход (Fußgängerübergang), например, так и обозначать некие абстрактные явления: смену одного состояния другим, пространственно-

временное, историческое преобразование (напр, в сочетании «переходный период», «*Übergangsperiode*»). С понятием «*Untergang*» дело обстоит ещё сложнее. В немецком языке оно может означать «закат», «закат», «гибель», «погибель», «крушение», выступать синонимом к «*Runde*», «*Niedergang*», «*Verderbnis*», «*Verfall*», «*Sturz*» и др., а также образовывать такие слова, как «*Weltuntergang*» («конец света»), «*Untergangsstimmung*» («упадочное настроение»), «*Auf – und Untergang der Sterne*» («восхождение и захождение светила»). Исследователь К. Йостен [4] обращает внимание на особую логику их использования в философском лексиконе Ницше. С одной стороны, «*Untergang*» оказывается несводимым к общеупотребительному значению движения и исчезновения в обыденном языке, как, например, в высказывании: «das Schiff geht im Wasser unter» («корабль уходит под воду») – с другой стороны, ему чужд трагический пафос, который мог бы содержаться в выражении «*der Untergang eines Volkes*» («гибель народа»). Примечательно, на наш взгляд, что и у другого знаменитого философа О.Шпенглера, последователя Ницше, главная работа «*Der Untergang des Abendlandes*», название которой переводится как «Закат Европы» или «Закат Западного мира», также не связана с апокалипсическими мотивами, а посвящена исследованию процессов естественного исторического развития культуры и цивилизации.

У Ницше «*Übergang* und *Untergang*» обладают рядом оригинальных философских значений. Используемые в словах префиксы, претворяют символику восходящего движения, указывают на семантику «верха» и «низа», и в этом плане служат дополнением к определению человека как «натянутого каната над бездной», ведущего к высшей точке, высшему «über». Известно, что в схожей словообразовательной логике, в XX веке появляется противоположное понятие «*Untermensch*», часто ошибочно приписываемый Ницше, но на самом деле заимствованное Гитлером у американского расиста Л. Стоддарда и использованное им по отношению к так называемым «неполноценным народам». Восходящее и нисходящее движение в «Заратустре» ассоциировано с солнечным восходом и закатом, с неким универсальным символическим законом бытия, согласно которому всё рождается, созревает, проходит заданный цикл развития и уничтожается для того, чтобы возникнуть вновь. Этот яркий символ единства угасающей и возрождающейся жизни у Ницше неразрывно связан с мифологией Диониса, вечного становления и возвращения. Странствия Заратустры также подчинены нисходяще-восходящему движению, в итоге образуемому

круг, где начало и конец пути смыкаются воедино. В первом эпизоде Ницше использовал *Untergang* применительно к солнцу, природе, показывая положительное единство исчезновения и возникновения, встречу актуального и потенциального, настоящего и будущего. Эта положительная коннотация сохраняется и во всем дальнейшем тексте, но теряется в переводах. «*Untergang*» приобретает значение перманентного пути от отрицания существующего к созиданию возможного, внутренне присущего человеческой самости, но ещё не раскрытого – таким образом «*Untergang*» переходит в

«*Übergang*», становится самопреодолением человеческого начала. В проповеди Заратустры Ницше осуществляет символическое отрицание теоцентрической и антропоцентрической систем: ни Бог, ни Человек не являются более средоточием бытийственного смысла и целями всех совершающихся в мире событий. Философемы «*Untergang*» и «*Übergang*» отсылают к процессу последовательного преодоления раннее существовавших центров и восхождения к Сверхчеловеку, стоящему в отношении к ним по ту сторону.

Литература

1. Ницше Ф. Так говорил Заратустра: пер. с немецкого Ю.М. Антоновского). М.: Эксмо, 2006
2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра: пер. с немецкого Якоба Голосовкера; М. Издательская группа “Прогресс”, Библиотека журнала “Путь”. 1994.
3. Синеокая Ю.В. Российская ницшеана. // Ницше: pro et contra. СПб., 2001. С. 7 – 34.
4. Joisten K. Die Überwindung der Anthropozentrität durch Friedrich Nietzsche, Verlag: Königshausen & Neumann, 1994.
5. Nietzsche F.: Also sprach Zarathustra. Hamburg : Junius , 1990.

References

1. Nicshe F. Tak govoril Zaratustra: per. s nemeckogo Ju.M. Antonovskogo). M.: Jeksmo, 2006
2. Nicshe F. Tak govoril Zaratustra: per. s nemeckogo Jakoba Golosovkera; M. Izdatel'skaja gruppa “Progress”, Biblioteka zhurnala “Put”. 1994.
3. Sineokaja Ju.V. Rossijskaja nicsheana. // Nicshe: pro et contra. SPb., 2001. S. 7 – 34.
4. Joisten K. Die Überwindung der Anthropozentrität durch Friedrich Nietzsche, Verlag: Königshausen & Neumann, 1994.
5. Nietzsche F.: Also sprach Zarathustra. Hamburg : Junius , 1990.

*Kindler E.A., Candidate of Pedagogic Sciences (Ph.D.),
Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin*

PROBLEMS OF TRANSLATION AND INTERPRETATION OF PHILOSOPHICAL TEXTS BY F. NIETZSCHE

Abstract: the article contains a comparative analysis of the fragments of two transfers from the book of F. Nietzsche "Thus Spoke Zarathustra", identifies issues of cultural and psychological determination of transfer, their compliance with the author's intentions, as well as address the issue of the perception of these translated texts to modern readers.

Keywords: translation, interpretation, philosopheme, symbol